

Оригинальная статья

УДК 11; 14

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-24-35>

Проблема критериев высказываний о вымысле

Наталья Валерьевна Хайруллина

*Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
natkhairullina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-1559-4088>*

Введение. В статье рассматривается проблема из области аналитической философии вымысла. Тезис исследования состоит в том, что системные проблемы реалистических теорий вымышленных персонажей коренятся в неадекватной трактовке самого понятия «вымысел». Автор выделяет три проблемы для этих теорий – проблему редукции, игнорирования и узкого определения вымысла. Демонстрируется, что антиреалистические подходы избегают обозначенных проблем. Новизна исследования состоит в постановке проблемы – ранее определение вымысла не становилось предметом обсуждения и сравнения теорий между собой. Автор предлагает использовать критерий адекватности определения вымысла для оценки соответствия теории языковой прагматике.

Методология и источники. Автор использует метод концептуального анализа. В статье анализируются наиболее влиятельные теории онтологического статуса вымышленных персонажей – неомейнонгианство, фикциональный поссибилизм, абстрактный реализм, абстрактный артефактуализм и теория притворства.

Результаты и обсуждение. Из статьи видно, что понятие вымысла в анализируемых теориях оказывается: 1) редуцированным (в фикциональном поссибилизме вымысел замещается понятием возможности); 2) игнорируемым (неомейнонгианские теории, фокусируясь на онтологическом статусе объектов, игнорируют языковую прагматику вымысла); 3) излишне узким (строгая дихотомия фикциональных и метафикциональных высказываний в абстрактном реализме и артефактуализме исключает из анализа смешанные высказывания). В качестве альтернативы автор предлагает принять определение вымысла как участия в практиках притворства.

Заключение. Автор предлагает использовать определение вымысла как участия в притворстве и на его основе выделяет критерий для признания высказывания фикциональным – высказывание должно содержать предписание для воображения, которое связано с определенным художественным произведением. Демонстрируется, что антиреалистические теории, использующие данное определение, успешно справляются с проблемами редукции, игнорирования и узкого определения вымысла. На этом основании делается вывод о концептуальном преимуществе антиреализма.

Ключевые слова: аналитическая философия, фикциональные объекты, вымышленные персонажи, пустые имена, фикционализм, вымысел

Для цитирования: Хайруллина Н. В. Проблема критериев высказываний о вымысле // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 24–35. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-24-35

© Хайруллина Н. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Problem of Criteria for Statements about Fiction

Natalya V. Khairullina

*Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
natkhairullina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-1559-4088>*

Introduction. This article examines a problem in the field of analytical philosophy of fiction. The author identifies criteria for specifying statements about fiction. The aim of the article is to demonstrate a number of problems in realistic theories of fictional characters related to the replacement, ignoring, and narrow interpretation of fiction.

Methodology and sources. To achieve the goal of the study, the author uses the method of conceptual analysis. The article analyzes the most influential theories of the ontological status of fictional characters: Neo-Meinongian theories, David Lewis' fictional possibilism, Peter van Inwagen's abstract realism, Amy Thomasson's abstract artifactualism, and Kendall Walton's theory of pretense.

Results and discussion. Fictional possibilism brings the concept of fiction closer to the concept of possibility, which has counterintuitive consequences. Neo-Meinongian theories do not set specific criteria for fiction; for them, statements about fiction and statements about reality equally claim to express literal truth. This creates a problem for the analysis of real objects mentioned in fiction. It is unclear what properties should be attributed to these objects – real or fictional. Abstract realism and abstract artifactualism divide statements about fiction into fictional and metafictional. The former characterize the properties of objects in fiction, the latter – their properties in reality. This creates a problem of analyzing mixed statements in which both types of properties are attributed to an object at the same time. It is demonstrated that the most adequate concept of fiction is used by anti-realistic theories, which define fiction through participation in pretense.

Conclusion. The author raises the question of the criteria for statements about fiction and identifies a fundamental problem for realistic theories of fictional characters: the interpretation of fiction in them is replaced, ignored, or overly narrow. This does not allow for a uniform analysis of statements about fiction based on these theories. The author suggests using broader interpretations of fiction, as they avoid the problems mentioned and have greater explanatory potential.

Keywords: analytic philosophy, fictional objects, fictional characters, empty names, fictionalism, fiction

For citation: Khairullina, N.V. (2026), "The Problem of Criteria for Statements about Fiction", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 24–35. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-24-35

Введение. Исследование фикциональных объектов в рамках аналитической философии началось с проблемы пустых имен в начале XX в. Вопрос об онтологическом статусе фикциональных объектов также частично рассматривался Б. Расселом в рамках критики онтологии А. Майнонга. В «Об обозначении» [1] он выдвигает известное возражение о том, что мейнонгианские объекты склонны нарушать закон противоречия. Сам Рассел предложил интерпретировать пустые имена как определенные дескрипции, что позволяло избежать признания существования фикциональных объектов. Теории, признающие существование фикциональных объектов, далее будем называть реалистическими, а отрицающие его – антиреалистическими. До середины 1970-х антиреализм Рассела остается господствующей

теорией, однако в это время появляется ряд исследований, предлагающих новые стратегии для анализа вымыслов. Среди них модальный реализм Д. Льюиса [2], неомейнонгианские теории Т. Парсонса [3] и Э. Залты [4] абстрактный реализм П. ван Инвагена [5], антиреалистическая теория притворства К. Уолтона [6], а также исследование художественного дискурса как притворного Д. Сёрла [7].

Каждая из перечисленных теорий рассматривает статус фикциональных объектов как в онтологии, так и в языке. В этой статье мы сосредоточимся на последнем, а именно на вопросе о том, чем высказывания о вымысле отличаются от высказываний о реальности. Один из ответов предлагает фикционализм – стратегия анализа художественного, математического, морального, модального и некоторых других дискурсов как «полезных вымыслов». Согласно фикционализму, высказывания, сделанные в рамках этих дискурсов, не могут оцениваться как буквально истинные и должны быть снабжены оператором вымысла – «согласно дискурсу X, верно, что...». К критериям вымышленности также чаще всего добавляется притворство. Предполагается, что, говоря о вымысле, люди лишь притворяются, что хотят сообщить нечто о реальных фактах. Таким образом, вымышленный дискурс определяется как способ высказываться о чем-то, не предполагающий выражение буквальной истины и задействующий притворство. Далее мы будем называть это определение фикционалистским. Такое определение используется как антиреалистами, так и реалистами в анализе высказываний о фикциональных объектах. При этом от критериев вымысла зависит, как в теории будет решаться проблема референции пустых имен и условий истинности высказываний. В некоторых теориях вопрос о критериях вымысла рассматривается явно и даже является центральным, в других он заменяется иным способом анализа.

Мы будем утверждать, что наиболее полная теория фикциональных объектов должна предлагать критерии для различения высказываний о реальности и вымысле, а также учитывать ряд случаев, которые игнорирует фикционалистская трактовка вымысла. Для начала рассмотрим, каким понятием вымысла оперируют наиболее известные реалистические и антиреалистические теории, затем обозначим ряд проблем с этим понятием для фикционального POSSIBILIZMA, неомейнонгианства и абстрактного реализма, после чего предложим стратегию определения вымысла, избегающую этих проблем.

Также следует уточнить, что категория фикциональных объектов может быть очень широкой и включать в себя, например, математические объекты или моральные факты, однако мы сосредоточимся на парадигмальном примере вымыслов – вымышленных персонажах. Под вымышленными персонажами здесь понимаются герои художественных произведений (Шерлок Холмс, Фродо Бэггинс), а также вымышленные места (Хогвартс, Мордор) и вымышленные артефакты (меч Годрика Гриффиндора, Кольцо Всевластия).

Методология и источники. В статье используется метод концептуального анализа. Этот метод позволяет эксплицировать то, как различные теории относительно онтологического статуса вымышленных персонажей определяют вымысел. Эти теории традиционно разделяются на реалистические и антиреалистические. В первую группу включают неомейнонгианские теории [3; 4], фикциональный POSSIBILIZM [2] и абстрактный реализм [5; 8], а две наиболее влиятельные антиреалистические стратегии – фикционализм и теория притворства К. Уолтона [6].

Результаты и обсуждение. Рассмотрим, как каждая из названных теорий обходится с понятием вымысла. Неомейнонгианские теории развивают Т. Парсонс и Э. Залта. Согласно этим теориям, основанным на онтологии А. Майнонга, вымышленные персонажи – это объекты, которые не существуют, но имеют место в онтологии и реально обладают своими свойствами. Среди этих свойств есть как те, что приписываются им в вымысле (например, любовь к игре на скрипке, гениальность), так и те, которыми они обладают с точки зрения реальности (вымышленность). Заметим, что такие свойства могут вступать в противоречие друг с другом – для Холмса характерно быть вымышленным относительно реальности и быть реальным относительно рассказов Конан Дойла. Эта проблема решается двумя разными способами: различием двух типов свойств и двух способов предикации.

Парсонс предлагает различать ядерные и внеядерные свойства вымышленных персонажей [3]. Ядерные свойства будут свойствами из вымыслов, внеядерные – свойствами относительно реальности. Холмс не обладает внеядерным свойством существования, так как такого человека нет в реальности, однако он обладает «разбавленным» аналогом существования в виде ядерного свойства, так как относительно рассказов Конан Дойла он существует.

Иную теорию предлагает Э. Залта, вводя различие между экземплификацией и кодированием [4]. Экземплификация характерна для конкретных объектов и схожа с обыкновенной предикацией, тогда как кодирование – это способ приписывания ядерных свойств абстрактным объектам, в категорию которых Залта включает и вымышленных персонажей. Шерлок Холмс кодирует свойства «быть детективом» и «любить играть на скрипке» и экземплифицирует свойства «быть вымышленным» и «не существовать».

Неомейнонгианские теории не задают специфические критерии для вымысла, для них и высказывания о вымысле, и высказывания о реальности производятся серьезно и претендуют на выражение буквальной истины. Проблема пустых имен решается за счет признания наличия в онтологии несуществующих объектов, к которым эти имена отсылают.

Фикциональный POSSИБИЛИЗМ представляет собой распространение модального реализма на вымысел. В рамках этой теории вымышленные персонажи рассматриваются как реальные люди «из плоти и крови», находящиеся в возможных мирах, где все события из соответствующих вымыслов являются реальными фактами [2]. Неполнота свойств вымышленных персонажей может создавать проблему неопределенности – мы не знаем, была ли у Холмса двоюродная бабушка, и должны быть два возможных мира, в одном из которых она у него есть, а в другом – нет. Холмс из какого возможного мира окажется Холмсом, о котором говорится в рассказах К. Дойла? Льюис предлагает рассматривать всех «кандидатов в Холмсы» как двойников Холмса, соответственно обо всех них в равной мере будет идти речь в рассказах К. Дойла. В POSSИБИЛИСТСКИХ теориях понятие вымысла сближается с понятием возможности. Высказывания о вымысле будут отличаться от высказываний о реальности тем, что сообщают что-то о возможном, а не об актуальном мире.

Абстрактный реализм – группа теорий, которые признают существование вымышленных персонажей в качестве абстрактных объектов. П. ван Инваген предлагает признать существование вымышленных персонажей, так как они могут быть значением квантифицированной переменной в высказываниях следующего вида: «В некоторых романах 19 века есть персонажи, которые описаны с большим богатством физических подробностей, чем любой

персонаж из романа 18 века» [5, р. 302]. Он выделяет для вымышленных персонажей отдельную онтологическую категорию – «вымышленные создания», которая, в свою очередь, входит в более широкую категорию «теоретических объектов литературной критики», где находятся также романы, главы, стихотворные размеры и т. д.

Э. Томассон предлагает более детализированную версию абстрактного реализма – абстрактный артефактуализм. Она предполагает, что вымышленные персонажи – это созданные людьми абстрактные объекты – артефакты [8]. Примерами абстрактных артефактов также являются браки, деньги и игра в шахматы. Инваген и Томассон предлагают одну и ту же стратегию анализа высказываний о вымышленных персонажах, разделяя эти высказывания на две группы – фикциональные и метафикциональные. Под фикциональными понимаются те высказывания, которые сделаны притворно, с позиции вымысла. Такие высказывания не могут быть буквально истинными и рассматриваются как содержащие скрытый оператор вымысла. Также для этих теорий важно, что свойства из вымыслов не являются реальными свойствами вымышленных персонажей. Реальные свойства вымышленных персонажей – это свойства абстрактных объектов, такие как «быть вымышленным», «быть иконой поп-культуры», «появляться в рассказах Конан Дойла» и т. д. Высказывания о персонажах, сделанные с позиции реальности и выражающие их реальные свойства, называются метафикциональными и могут быть признаны буквально истинными. Важно отметить, что Инваген придерживается дескриптивизма относительно имен вымышленных персонажей, тогда как Томассон опирается на каузально-историческую теорию референции, однако в остальном их взгляды схожи.

Фикционализм и характерное для него определение вымысла нами уже обсуждалось, поэтому сразу рассмотрим «теорию притворства» К. Уолтона. Уолтон использует аналогию с детскими играми, где реквизитом являются игрушки или бытовые предметы, и определяет художественные произведения как реквизит в «играх в притворство» (game of make-believe). Как ребенок воображает, что палка у него в руках – это меч, а товарищи по игре подыгрывают ему, так и художественные произведения предписывают нам воображать их содержание как реальные факты. При этом некоторые воображаемые факты произведение санкционирует (когда они соответствуют его содержанию и разумной интерпретации), а некоторые – нет. Уолтон пишет об отличиях между художественной и документальной литературой: «Биографии, учебники и газетные статьи как таковые не предназначены для того, чтобы служить реквизитом в играх в притворство. Они используются для утверждения истинности определенных положений, а не для того, чтобы сделать положения вымышленными. Вместо того, чтобы устанавливать вымышленные миры, они претендуют на описание реального мира» [6, р. 70].

Важно отметить, что Уолтон использует самую широкую трактовку вымышленности из всех, обсуждающихся в этой статье. Он различает виды притворства, некоторые из которых называет «неофициальными» в том смысле, что они могут выходить за рамки санкционированного художественным произведением. Например, для Уолтона вымышленными являются высказывания об эмоциях («Мне жаль Анну Каренину»), сравнительные высказывания («Холмс гениальнее Пуаро») и даже метафикциональные высказывания («Холмс – вымышленный персонаж»). Последний случай объясняется Уолтоном двумя способами. Первый состоит в том, что неофициальная игра побуждает нас притвориться, что сущности, которые содержит наш мир, можно разделить на «вымышленные» и «реальные». Второй –

в том, чтобы рассматривать метафигциональное высказывание как предательство игры, которая подразумевает существование персонажа. К такой широкой трактовке вымысла возникает множество возражений, наиболее влиятельное из которых называется феноменологическим. Оно заключается в том, что в случае метафигциональных высказываний совершенно неочевидно, что они сделаны притворно, напротив, они кажутся сделанными серьезно и выражают буквальные истины о мире.

Мы рассмотрели, как различные теории вымышленных персонажей определяют вымысел. Далее будут обозначены проблемы, с которыми сталкиваются реалистические теории в связи с определением вымысла, которым они оперируют. Назовем их проблемой редукционизма, проблемой игнорирования и проблемой узкого определения.

Первая проблема, которую мы назвали проблемой редукционизма, связана с различием возможного и вымышленного. Фигциональный пессибилизм предлагает четкий критерий, по которому высказывание о вымысле можно отличить от высказывания о реальности – первое будет сообщать нечто о возможном мире, тогда как второе – об актуальном. Однако критике подвергалось сама редукция понятия вымысла к понятию возможности. Предполагается, что вымысел нельзя свести к простому изложению возможных событий, а реальный человек в возможном мире не может быть идентичным вымышленному персонажу, даже если все их свойства совпадают. С. Крипке приводит подробную иллюстрацию этого аргумента: «Предположим, что все истории о Шерлоке Холмсе были правдивыми историями об одном сыщике: достаточно ли этого, чтобы заключить, что Шерлок Холмс существовал на самом деле? Обложки многих книг такого типа противоречат этому тезису. Первая страница может гласить: “Герои этого произведения вымышлены, и все сходства с реальными личностями – чистая случайность”. Что это значит, так это то, что даже если какое-то ужасающее событие, о котором идёт речь в произведении, по существу истинно в отношении к некоторым конкретным людям, и даже если это истинно исключительно о них, то такое совпадение – чистая удача и нечто такое, что не было известно автору (на самом деле, нам стоило бы с подозрением отнестись к такому заявлению, но в принципе это возможно). Не они обозначены теми именами, что появляются в истории, и это только совпадение, что история, по сути, истинна в отношении них. Если бы один из этих людей, о которых история оказалась истинной, пожаловался бы в суд на вторжение в частную жизнь или, может быть, на клевету или навет, он не выиграл бы дело исключительно на основании заявления, что история была по существу истинна в отношении него. Судья, если бы о совпадении было заявлено на самом деле, вынес бы решение против истца, а также против Фреге, Рассела, Витгенштейна и Серла. Причина, ещё раз, состоит в недостатке какой-либо исторической связи с реальной личностью, даже несмотря на то, что мнения об этой личности по существу справедливы» [9, с. 683–684].

Также для теории, которая занимается проблемой вымыслов, кажется существенным преимуществом оперирование именно понятием вымысла, а не замена его на другое. Наиболее очевидными последствия такой замены становятся, когда мы анализируем высказывания об эмоциях. Сложно понять, почему мы восхищаемся гениальностью Холмса или горюем о судьбе Карениной, если это люди, обитающие в возможных мирах и не имеющие к нам никакого отношения. За последние 20 лет было проведено значительное количество психологиче-

ских исследований эмоциональной реакции на вымысел [10–12]. Для этих исследований существенным оказывается именно то, как вымысел может оказывать эмоциональное воздействие на человека, понимающего нереальность происходящего. Кажется, что вопрос эмоциональной реакции на возможные ситуации, произошедшие с людьми в возможных мирах, не совпадает с предыдущим и в целом не отвечает наиболее распространенным интуициям о восприятии вымысла. Следует отметить, что последнее возражение не подрывает теоретические основы фикционального пессимизма, а наличие близкой к обыденной трактовки вымысла является скорее желательным преимуществом, чем обязательством для теории.

Следующая проблема может называться проблемой игнорирования. Как уже было обозначено, неомейнонгианство не задает специфических критериев для высказываний о вымысле. У этого имеется неприятное последствие – трудности в оценке высказываний о реальных объектах, упоминаемых в вымысле. Проблема пустых имен чаще всего рассматривается как главная проблема анализа языка для случая вымышленных персонажей. Тем не менее существует еще один тип имен, встречающийся в художественных произведениях и представляющий не меньший интерес – это имена реальных объектов, такие как Лондон и Наполеон. Кажется, что, в отличие от Мордора и Шерлока Холмса, эти имена обладают референтами. Мы могли бы просто признать это, однако в вымысле реальным объектам могут приписываться не принадлежащие им в реальности свойства. Например, согласно рассказам К. Дойла, в Лондоне по адресу «Бейкер-стрит, 221Б» проживали Шерлок Холмс и Доктор Ватсон, что неверно относительно реального города. В связи с этим затруднением рассматривается вопрос о том, как анализировать имена реальных объектов в вымысле – как отсылающие к своим объектам или как имена вымышленных суррогатов этих объектов. В последнем случае мы рассматривали бы Наполеона из «Войны и мира» как полноценного вымышленного персонажа, связанного с реальным Наполеоном лишь схожими свойствами. М. Гарсия-Карпинтеро называет такой способ рассматривать семантический статус имен реальных объектов в вымысле «исключительностью» (exceptionalism) [13].

Имена реальных объектов в вымысле создают серьезные трудности для неомейнонгианских теорий. Вернемся к примеру с Лондоном и проживающими в нем Холмсом и Ватсоном. Как мы должны анализировать такие высказывания, если принимаем имя «Лондон» как референтное? Мы не можем сказать, что Лондон обладает ядерным свойством «иметь в числе своих жителей Шерлока Холмса и доктора Ватсона», так как это противоречит историческим фактам о городе. Аналогично нельзя сказать, что Лондон кодирует свойство «иметь в числе своих жителей Шерлока Холмса и доктора Ватсона», так как конкретные объекты просто не могут кодировать свойства, для них характерна лишь экземплификация.

Удобнее для неомейнонгианца было бы принять позицию исключительности и признать, что в вымысле речь идет лишь о суррогатах реальных объектов – Лондоне К. Дойла и Наполеоне Л. Н. Толстого. Стоит признать, что такая точка зрения в некоторых случаях согласуется с практикой разговоров о реальных объектах в вымысле, например, выражение «Петербург Достоевского» часто встречается в литературной критике. Парсонс рассматривает эту возможность, предлагая относить свойство «иметь в числе своих жителей Шерлока Холмса и доктора Ватсона» к ядерным свойствам вымышленного суррогата Лондона. Но, как отмечает Э. Томассон, «отказ от идеи, что реальные люди и места (а не только их вы-

мышленные суррогаты) могут появляться в художественных произведениях, означал бы отказ от многого» [8, р. 104]. Некоторые литературные жанры, к примеру, исторические романы, оказывается невозможно объяснить, если не признать, что в них рассказывается о реальных людях и событиях. То же самое относится к жанрам сатиры и пародий, в них для достижения юмористического эффекта необходимо, чтобы читатель соотнес повествование с реальной личностью. Также автор может обращаться к фактам о реальных объектах, не указывая на эти факты в вымысле, но предполагая, что читатель знает о них. Парсонс признает эти возражения и предполагает, что хотя иногда мы имеем дело именно с вымышленными суррогатами реальных объектов, чаще в вымысле появляются имена реальных объектов [3, р. 57–59]. Но чтобы объяснить это, неомейнонгианцы вынуждены прибегнуть к фикционалистской стратегии и прибавлять к высказываниям о реальных объектах оператор вымысла. Для реального Лондона неверно, что в нем жил Холмс, но «в соответствии с рассказами К. Дойла» это так. С этим можно согласиться, однако это будет решением *ad hoc*, которое никак не связано с теоретическим ядром неомейнонгианских теорий вымысла. Оказывается, что простого постулирования наличия в онтологии вымышленных объектов недостаточно для последовательной теории. Анализ высказываний о вымышленных персонажах требует отличать высказывания о вымысле и высказывания о реальности. Далее рассмотрим, какую объяснительную силу приобретает теория, вводящая такое различие.

Последнюю проблему мы назвали проблемой узкого определения. Чтобы разобраться в ее последствиях, рассмотрим подробнее анализ высказываний о вымышленных персонажах, который предлагает абстрактный реализм. Разделение на фикциональный и метафикциональный дискурс позволяет объяснить многое. Во-первых, так как свойства из вымыслов оказываются не принадлежащими вымышленным персонажам реально, неполнота и противоречивость этих свойств больше не представляет проблемы. Уточним, что проблема неполноты заключается в том, что нам не известен полный набор свойств фикциональных объектов – как уже упоминалось, мы не знаем, была ли у Шерлока двоюродная бабушка и как ее звали. Проблема противоречивости связана с тем, что иногда в вымыслах могут утверждаться противоречивые факты о персонажах – например, в двух разных рассказах шерлокианы утверждается, что одна и та же рана Ватсона находилась сначала в руке, а затем в ноге, так как Конан Дойл за пару лет успел забыть детали биографии доктора. Во-вторых, метафикциональные высказывания вроде «Шерлок Холмс – это вымышленный персонаж» включают референтные имена (отсылающие к абстрактным объектам) и могут быть признаны буквально истинными. В-третьих, мы можем не вводить суррогаты реальных объектов в вымыслах и рассматривать их имена как референтные, так как разделение на фикциональные и метафикциональные высказывания позволяет по-разному оценивать высказывания о реальных и вымышленных фактах относительно реальных объектов. Таким образом, разделение на высказывания о вымысле и высказывания о реальности позволяет объяснить очень широкую область дискурса о вымысле.

Несмотря на это, абстрактный реализм не может объяснить все. Проблему для него представляют смешанные высказывания, например:

(1) *Если смотреть на фотографии молодой Татьяны Берс, мы увидим лицо Наташи Ростовской – кудрявая брюнетка с черными глазами.*

(2) *Князь Мышкин – эпилептик, как и Федор Михайлович.*

Возможно ли для высказываний (1) и (2) определить, являются они фикциональными или метафикциональными? Кажется, что это высказывания, которые сделаны серьезно и должны пониматься буквально, однако свойства «быть кудрявой брюнеткой» и «быть эпилептиком» не принадлежат Наташе Ростовской и князю Мышкину как абстрактным объектам в реальности, о них утверждается это только в соответствии с вымыслом. Но и оператор вымысла к этим высказываниям неприменим, так как Татьяна Берс и Федор Михайлович не являются персонажами соответствующих произведений. Фикционалистское определение вымысла ограничивает круг высказываний, которые мы можем определить как вымышленные, тем, что сказано в произведениях. Пограничные случаи вроде (1) и (2) выпадают из этого анализа.

Мы обозначили проблемы, связанные с определением вымысла в реалистических теориях вымышленных персонажей. Перейдем от вопроса «Какие теоретические проблемы могут создавать неподходящие критерии вымысла?» к вопросу о том, какими должны быть эти критерии. В первой части статьи упоминалось, что наиболее широкую трактовку вымысла как участия в практиках притворства предлагает К. Уолтон. В таком подходе фикциональным будет любое высказывание, содержащее предписание для воображения. Предписание формируется на основе художественного произведения, которое является реквизитом в соответствующей игре в притворство. Мы будем утверждать, что такое определение является наилучшим из существующих. Существенным и главным преимуществом такого подхода является то, что он предлагает единообразный анализ для всех типов высказываний о вымысле, в том числе для высказываний об эмоциях, сравнительных и смешанных высказываний, объявляя их фикциональными. Это связано с тем, как Уолтон понимает воображение и притворство. Он предполагает, что притворство – неоднородная практика, и у него есть разновидности в зависимости от конкретной игры, но все они задействуют воображение. В этом случае задачей исследователя становится выявление и описание наименее очевидных форм притворства и работы воображения в них. Примером таких неочевидных форм притворства могут быть высказывания о вымышленной природе персонажей, их авторах и происхождении, прототипах в реальности и реальных объектах в вымысле.

Сходную со стратегией Уолтона концепцию вымысла предлагает и Э. Эверетт. Он так поясняет причины, по которым нам следует принять более широкую трактовку вымысла: «Мы входим в мир обсуждаемого текста, где вымышленные персонажи – это люди из плоти и крови. И в то же время принимаем точку зрения, что персонажи, о которых мы говорим, являются вымышленными объектами. Наше участие в литературной критике естественно и органично включает в себя участие в притворстве, связанном с чтением и взаимодействием с вымышленным текстом. Критика – это не практика, которая является внешней и отделена от нашего обычного взаимодействия с вымыслом. Скорее, она предполагает и включает это взаимодействие. Поэтому я думаю, что мы должны рассматривать наши разговоры о вымышленных персонажах как просто еще один вид притворства, который расширяет те виды притворства, в которые мы вступаем в ходе нашего обычного взаимодействия с вымышленными текстами» [14, р. 640]. Говоря о литературной критике, Эверетт имеет в виду наличие в нашей речевой практике метафикциональных высказываний о вымысле, которые реалисты предлагают анализировать как буквально истинные и требующие включения в них референтных имен для сохранения этой истинности. Согласно точке зрения Эверетта, у нас нет причин настаивать на буквальной истинности каких-либо предложений о вымысле, так как говоря о Шерлоке Холмсе,

Мордоре или золотом снитче, мы никогда не рассматриваем их изолированно от фикциональных свойств, даже если хотим утверждать о них что-то относительно реальности. Обоснуем этот тезис с помощью примера. Для нас одинаково естественным будет сказать:

(3) *Шерлок Холмс – вымышленный персонаж.*

(4) *Шерлок Холмс – вымышленный сыщик, проживающий на Бейкер-стрит, 221Б.*

Высказывание (3) – «чистое» метафикциональное, а вот (4) включает в себя одновременно фикциональные свойства («быть сыщиком», «жить на Бейкер-стрит, 221Б») и метафикциональное («быть вымышленным»). При этом высказывание (4) не создает у нас никаких проблем с восприятием, не кажется неправильно построенным. В связи с этим любые высказывания о вымысле можно признать содержащими различные виды притворства. В этом случае нам придется признать, что высказывания типа «Шерлок Холмс – вымышленный персонаж» не являются буквально истинными, но при этом наш анализ языка останется единообразным и сможет объяснить все типы высказываний о вымысле.

Следует отметить, что для подобных широких трактовок вымысла сохраняет силу феноменологическое возражение – не все высказывания о вымышленных персонажах кажутся сделанными притворно и верными лишь относительно вымысла. Есть любопытный ответ на это возражение, который предлагает заменить принцип притворства принципом онтологического индифферентизма. Автор этого подхода М. Эклунд пишет: «В отношении многого, что мы говорим или подразумеваем, мы не берем на себя обязательств ни в отношении его буквальной истинности, ни в отношении его истинности в каком-либо вымысле» [15, р. 558]. Утверждая или отрицая наличие у вымышленных персонажей некоторых свойств, мы просто не имеем цели говорить об их существовании. Эклунд обращается к различению между семантическим значением выражения и значением говорящего. Первое предполагает буквальную истинность высказываемого, его соответствие миру, в связи с чем существование референтов объектов нашей речи оказывается необходимым, второе – учитывает лишь намерение говорящего и коммуникативный успех высказывания. Принимая тезис индифферентизма, мы отказываемся от семантического значения в пользу значения говорящего. Идея анализировать вымысел без понятия притворства, отказываясь при этом от буквальной истинности высказываний о нем, может показаться экстравагантной, однако эта теория избегает феноменологического возражения и сохраняет возможность единообразно объяснять все виды высказываний о вымышленных персонажах.

Заключение. Реалистические теории призваны решать проблемы онтологии вымышленных персонажей, в связи с чем вопросы прагматики высказываний о вымысле смещаются для них на второй план. Мы продемонстрировали, что последствия игнорирования этой второстепенной, на первый взгляд, задачи могут быть довольно серьезными – неадекватное определение вымысла провоцирует появление объяснений *ad hoc* и создает контринтуитивные выводы из теории. В связи с этим можно заключить, что наша лучшая теория вымышленных персонажей должна учитывать вопросы прагматики высказываний о вымысле и предлагать адекватное определение этого термина. Наиболее широким объяснительным потенциалом обладают антиреалистические теории, определяющие вымысел через участие в притворстве. Конкретизируем этот критерий: любое высказывание, содержащее предписание для воображения, связанное с определенным произведением, должно счи-

таться фикциональным. В таком подходе даже метафикциональные высказывания оказываются разновидностью фикциональных. Представители абстрактного реализма могут считать это определение излишне широким и не соглашаться с тем, что метафикциональные высказывания не являются буквально истинными, однако для случая смешанных высказываний они должны предложить способ включить их в свой анализ языка. Наиболее простым способом сделать это кажется расширение критериев вымышленности высказывания до более утонченных видов притворства, которые были бы ориентированы, например, на приписывание фикциональных свойств персонажам в высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, № 56. P. 479–493.
2. Lewis D. Truth in Fiction // *American Philosophical Quarterly*. 1978. Vol. 15, № 1. P. 37–46.
3. Parsons T. *Nonexistent Objects*. New Haven: Yale Univ. Press, 1980.
4. Zalta E. N. *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht: D. Reidel, 1983. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-009-6980-3>
5. Van Inwagen P. Creatures of Fiction // *American Philosophical Quarterly*. 1977. Vol. 14, № 4. P. 299–308.
6. Walton K. L. *Mimesis as Make-Believe*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1990.
7. Searle J. R. The Logical Status of Fictional Discourse // *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language* / in P. A. French, T. E. Jr. Uehling, H. K. Wettstein (eds.). Minneapolis: Univ. of Minneapolis Press, 1979. P. 233–243.
8. Thomasson A. *Fiction and Metaphysics*. NY: Cambridge Univ. Press, 1999.
9. Крипке С. Пустые имена и вымышленные сущности / пер. с англ. А. Прохорова // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2019. Т. 8, № 2. С. 676–706.
10. Cova F., Teroni F. Is the paradox of fiction soluble in psychology? // *Philosophical Psychology*. 2016. Vol. 29, iss. 6. P. 930–942. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2016.1164306>
11. Goldstein T. The pleasure of unadulterated sadness: Experiencing sorrow in fiction, nonfiction, and “in person” // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2009. Vol. 3, iss. 4. P. 232–237. DOI: 10.1037/a0015343
12. Vrticka P., Sander D., Vuilleumier P. Effects of emotion regulation strategy on brain responses to the valence and social content of visual scenes // *Neuropsychologia*. 2011. Vol. 49, № 5. P. 1067–1082. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2011.02.020
13. García-Carpintero M. Is fictional reference rigid? // *Organon F*. 2015. Vol. 22, Supplementary Iss. 1. P. 145–168.
14. Everett A. Against Fictional Realism // *J. of Philosophy*. 2005. Vol. 102, iss. 12. P. 624–649. DOI: 10.5840/JPHIL2005102129
15. Eklund M. Fiction, indifference, and ontology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2005. Vol. 71, iss. 3. P. 557–579. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00471.x

Информация об авторе

Хайруллина Наталья Валерьевна – ассистент кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского энергетического университета, ул. Красносельская, д. 51, Казань, 420066, Россия. Сфера научных интересов: философские проблемы вымысла, эпистемология, аналитическая философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.11.2025; принята после рецензирования 04.12.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.*

REFERENCES

1. Russell, B. (1905), "On Denoting", *Mind*, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.
2. Lewis, D. (1978), "Truth in Fiction", *American Philosophical Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 37–46.
3. Parsons, T. (1980), *Nonexistent Objects*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
4. Zalta, E.N. (1983), *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*, D. Reidel, Dordrecht, ND. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-009-6980-3>
5. Van Inwagen, P. (1977), "Creatures of Fiction", *American Philosophical Quarterly*, vol. 14, no. 4, pp. 299–308.
6. Walton, K.L. (1990), *Mimesis as Make-Believe*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.
7. Searle, J.R. (1979), "The Logical Status of Fictional Discourse", *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language*, in French, P.A., Uehling, T.E.Jr. and Wettstein, H.K. (eds.), Univ. of Minneapolis Press, Minneapolis, USA, pp. 233–243.
8. Thomasson, A. (1999), *Fiction and Metaphysics*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.
9. Kripke, S. (2019), "Vacuous names and fictional entities", Transl. by Prokhorov, A., *Horizon: Phenomenological Research*, vol. 8, no. 2, pp. 676–706.
10. Cova, F. and Teroni, F. (2016), "Is the paradox of fiction soluble in psychology?", *Philosophical Psychology*, vol. 29, iss. 6, pp. 930–942. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2016.1164306>
11. Goldstein, T. (2009), "The pleasure of unadulterated sadness: Experiencing sorrow in fiction, nonfiction, and "in person"", *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 3, iss. 4, pp. 232–237. DOI: 10.1037/a0015343
12. Vrticka, P. Sander, D. and Vuilleumier, P. (2011), "Effects of emotion regulation strategy on brain responses to the valence and social content of visual scenes", *Neuropsychologia*, vol. 49, no. 5, pp. 1067–1082. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2011.02.020
13. García-Carpintero, M. (2015), "Is fictional reference rigid?", *Organon F*, vol. 22, Supplementary Iss. 1, pp. 145–68.
14. Everett, A. (2005), "Against Fictional Realism", *J. of Philosophy*, vol. 102, iss. 12, pp. 624–649. DOI: 10.5840/JPHIL2005102129
15. Eklund, M. (2005), "Fiction, indifference, and ontology", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 71, iss. 3, pp. 557–579. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00471.x

Information about the author

Natalya V. Khairullina – Assistant at the Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University, 51 Krasnoselskaya str., Kazan 420066, Russia. Area of expertise: philosophical problems of fiction, epistemology, analytic philosophy

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.11.2025; adopted after review 04.12.2025; published online 23.06.2026.